

23 февраля в армии — праздник. Только, конечно, не на войне. Там все зависит от обстоятельств. На перевале Саланг они в те февральские дни 1987 года сложились так, что о торжествах пришлось забыть.

22 февраля к перевалу подходила колонна афганских машин. Но — не дошла: повалил сильный снег, и автомобили застряли в сугробах. Как ни старались наши солдаты освободить им путь, до темноты не успели. И люди остались ночевать на трассе. Двенадцать градусов мороза, ветер, выдувающий остатки тепла из насывозь простуженных кабинок...

Едва прошла ночь, как на вырубку застрявшим в горах первой в шесть утра вышла машина Алексея Фотеева. С ним был и старший роты прапорщик Нечаев. Один автомобиль удалось вытащить из снежного плена, за ним второй, третий... К четвертой машине Фотеев подъехать не успел. Обрушившаяся с придорожных гор лавина снесла его в пропасть.

К тому времени Алексей прослужил в Афганистане около пяти месяцев. До конца службы в армии осталось чуть больше года.

...Читаю письма Алеши из армии, разглядываю фотографии. Наверное, солдатские письма все одинаковы — по крайней мере, в главном. Мало говорится в них о службе, и не только потому, что военная тайна. Просто, когда садишься писать домой, все казарменное, военное кажется не столь значительным. И не отсутствие фантазии заставляет повторять из письма в письмо: «Какие там у вас новости?..». Переписывая, повторяю имена близких, да и просто знакомых, как бы уверяешь сам себя, что не вся жизнь замкнута в казарме, что есть иная... Поэтому солдаты больше пишут о доме.

Я не знал Алексея Фотеева. Не на моих глазах рос он, не при мне учился ходить, говорить... И неведомо мне, какие словечки забавные в детстве говорил, как в школу пошел, к технике пристрастился... Судя по отзывам учителей, ничем особенным не отличался, учился средне. Разве вот интерес к машинам... После школы работал в колхозе трактористом, потом закончил автошколу ДОСААФ, получил права. После армии, говорил, обязательно вернуться.

«У меня идет все нормально, настроение отличное. Здоров как бык, чего и вам желаю. Так что уж постарайтесь там не болеть».

«Так здесь условия нормальные...

Все интересно узнать, как там дома. Как погода? Снег, наверное, лежит... За меня не переживайте. Скоро уже будет семь месяцев службы моей. Ну, больше не знаю, что и писать»...

«Я, конечно, здесь держусь, пока еще не болею и не ожидаю. В бушлате тепла хватает. Здесь вообще мало кто болеет, изредка у некоторых температура поднимается, да и то — таблеток попьют, и все проходит».

«За меня не беспокойтесь. Как вы там поживаете? Пишите обо всем. Техники пока не получил. Но собираются дать «Урал», точно еще

евича. Вот передо мной фотографии: Татьяна Федоровна — домашняя такая, уютная, ласковая (от нее у сына заботливость с домашних?), Валентин Васильевич — строгий, подтянутый, надежный. Служба, наверное, чувствуется — он ведь участковый милиционер. Стоит по-прежнему в деревне Zubovo Белозерского района их небольшой домик. Жизнь идет почти прежняя. Только, наверное, нет-нет да кольнет сердце какая-нибудь песенка по радио («Алексейка раньше часто пел, он петь дома любил...»). Да вещи, еще не забывшие, кажется, своего хозяина, напоминают о нем.

Афганистан болит у нас в душе

«За меня не переживайте...»

ничего не знаю. Так что моя мечта, наверное, сбудется.

Таким он и остался в памяти всех, кто его знал: добрым, веселым, трудолюбивым. «В первый класс ко мне, — вспоминает первая учительница Алексея Т. Я. Канавина, — пришел спокойный, улыбающийся мальчик. Что его ни попросишь сделать, всегда брался с радостью, всегда старался помочь мне и товарищам».

В каждом почти письме звучит одно: берегите себя. «Еще раз пишу, чтобы папа сейчас поменьше на мотоцикле катался и больше пешком ходил. Пешком-то ведь оно полезней будет. И ты, мама, на улицу раздетой не выходи, а то быстро ведь прохватит...».

А о себе, о будущей жизни — лишь изредка промелькнет: «Долго мне еще мечтать о прежней жизни. Ну, ничего. Свое отслужу и приду опять к прежней, вернее, иной гражданской жизни».

Жизнь для него после Афганистана стала бы иной, конечно, не той, что раньше. Она и теперь иная — для вас. Для его родителей, Татьяны Федоровны и Валентина Василь-

А жизнь идет. После гибели Алексея его товарищи по службе прислали в школу, где он учился, письмо: «Мы, его сослуживцы, сделали ему памятник на горе, которая стала роковой для Алексея».

И снимок памятника прислали. Только фотография теперь и осталась. Потому что, как прочел я недавно в одной из публикаций, наши части, уходя, разобрали все памятники, что поставлены в память о погибших солдатах. Чтобы не надругались над памятью павших.

Вот так: десять лет сражались ребята неизвестно за что, десять лет гибли — кто с автоматом в руках, а кто, как Алексей, спасая жизни афганцев, а теперь, выходит, все перечеркнуто?

Конечно, в Zubovo Алешу Фотеева не забудут долго. Будут помнить его родные и близкие. Будут помнить в его школе. Мегринской восьмилетке, что носит его имя.

«За меня не переживайте,» — писал он родным. Думаю, что переживать за него — и таких, как он — нужно и сейчас. Только, если раньше боль за этих ребят была достоинством немногих, то нынче ее должны разделить мы все.

А. РЕМБУЕВ.